

РАЗДЕЛ III. ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО; ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО; СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

УДК 343.3.7

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-134-143

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННО-ОПАСНЫХ ДЕЯНИЙ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Жабский В.А., Жилкин М.Г.

*Московский университет Министерства внутренних дел России имени В.Я. Кикотя,
Московский областной филиал*

143100, Московская обл., Рузский район, пос. Старотеряево, Российская Федерация

Аннотация. Целью работы являются выявление законотворческих проблем, связанных с криминализацией общественно-опасных деяний в сфере предпринимательской деятельности и предложение путей их решения. Исследованы особенности конструирования составов с административной преюдицией в нормах о рассматриваемых преступлениях, сделаны выводы о перспективах внедрения в российское законодательство уголовного проступка. Анализируются подходы к криминализации преступлений в сфере предпринимательской деятельности, совершённых в соучастии. Приводятся примеры неудачного использования понятийного аппарата при описании этих деяний. Обращается внимание на вопросы об уголовной ответственности в связи с развитием новых технологий и ответственности юридических лиц. В целом делается вывод, что способом преодоления накопившихся системных противоречий и ошибок в тексте уголовного закона являются разработка и принятие нового кодифицированного законодательного акта.

Ключевые слова: криминализация, преступления в сфере предпринимательской деятельности, административная преюдиция, уголовный проступок, соучастие, оценочные понятия, блокчейн, ответственность юридических лиц.

SOME PROBLEMS OF CRIMINALIZATION OF SOCIALLY DANGEROUS ACTS IN BUSINESS

V. Zhabsky, M. Zhilkin

Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V. Y. Kikot

Starotereyaevo settlement, Ruzsky district, Moscow Region, 143100, Russian Federation

Abstract. The purpose of this article is to identify legislative problems related to the criminalization of socially dangerous acts in the field of entrepreneurial activity and to propose solutions to them. The peculiarities of the construction of the formulations with administrative prejudice in the norms of the crimes in question were studied, and conclusions were made about the prospects for introducing a criminal offense into Russian legislation. The approaches to the criminalization of crimes in the sphere of entrepreneurial activity committed in complicity are analyzed. Examples are given of the unsuccessful use of the conceptual apparatus in describing these acts. Attention is drawn to the issues of criminal liability in connection with the development of new technologies and the liability of legal entities. In general, it is concluded that the way to overcome the accumulated systemic contradictions and errors in the text of the criminal law is the development and adoption of a new codified legislative act.

Key words: criminalization, business crimes, administrative prejudice, criminal misconduct, complicity, valuation concepts, blockchain, liability of legal entities.

Уголовная ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности установлена в статьях уголовного закона, преимущественно сосредоточенных в гл. 22 УК РФ, а также в целом ряде статей, расположенных в иных главах кодекса. В свою очередь, гл. 22 размещена в Разделе III, озаглавленном «Преступления в сфере экономики». При этом, как отмечает Н.А. Лопашенко, «Глава 22 УК – постоянное поле для экспериментов законодателя. На ней было опробовано всё, что можно, чтобы продемонстрировать народу и миру “настоящее” противодействие экономической преступности или борьбу с экономическими преступлениями» [5, с. 27, 35].

Вместе с тем отсутствие системного подхода при криминализации общественно-опасных деяний в сфере

предпринимательской деятельности и конструировании уголовно-правовых норм приводит к тому, что уголовное законодательство неоправданно пополняется специальными нормами, вредоносность этих деяний определяется на основании не качественных, а количественных характеристик, квалифицирующие признаки сходных составов избираются непоследовательно (например, при установлении ответственности за групповые формы преступной деятельности), терминологический аппарат не унифицирован, переполнен оценочными категориями и специальной терминологией. При этом новые криминальные явления (например, в сфере блокчейн-технологий) не получают должной уголовно-правовой оценки, а отдельные вопросы, давно стоящие на повестке

(например, ответственность юридических лиц) не разрабатываются.

В частности, налицо противоречие между отсутствием у ряда криминализованных в статьях гл. 22 УК РФ деяний важнейшего материального признака преступлений – общественной опасности, с одной стороны, и их формальным закреплением в тексте уголовного закона в качестве преступных, с другой.

Так, например, при описании криминализуемых деяний в сфере предпринимательской деятельности законодателем всё чаще применяется такой правовой инструмент, как административная преюдиция в уголовном праве. В действующем уголовном законодательстве предусмотрен один состав преступления в сфере предпринимательской деятельности с административной преюдицией – в ст. 174.1 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за незаконную розничную продажу алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции. Ещё один состав преступления имеет так называемую неочевидную (скрытую) преюдицию [10, с. 125–133] – это ст. 180 УК РФ «Незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг)», где указано на неоднократное совершение противоправных деяний без разъяснения преюдиционного характера этого преступления.

На первый взгляд, использование в уголовном законодательстве административной преюдиции выглядит довольно простым и оправданным приёмом юридической техники. Однако практическое применение построенных с использованием этого приёма норм нередко вызывает затруднения.

Сложности в доказывании, связанные с требованиями уголовно-процессуального законодательства, на практике имеют своим следствием то, что правоприменители нередко избегают возбуждать уголовные дела по статьям УК РФ, описывающим составы преступлений с административной преюдицией. Тем самым сконструированные подобным образом нормы остаются неработающими, а лица, совершающие соответствующие деяния, де факто избегают юридической ответственности. Виновные как бы выводятся не только из-под уголовной ответственности, но и из-под административной ответственности.

Конструкция административной преюдиции в уголовном праве не оправдала себя, о чём наглядно свидетельствует накопившаяся правоприменительная практика. Более перспективный путь декриминализации деяний, не представляющих общественной опасности (а равно тех деяний, общественная опасность которых незначительна), состоит в их полном переводе в разряд административных правонарушений. При этом в КоАП РФ необходимо предусмотреть санкции, адекватные тому вреду, который наносится общественным отношениям в результате совершения этих деяний. Это позволит наряду с прочим учесть и факт неоднократности совершения деяния. К лицам, виновным в совершении деяний, не соответствующих материальному признаку преступлений, не должна применяться сила уголовной репрессии. В ином случае можно говорить о чрезмерности легального государственного насилия и не о достижении целей уголовного наказания, а об их выхолащивании.

При этом судебная преюдиция вполне оправданно использована законодателем как средство дифференциации уголовной ответственности при описании квалифицированных составов преступлений (например, в ч. 2 ст. 169 УК РФ).

Ещё одним важным вопросом, самым активным образом обсуждающимся в науке уголовного права, является вопрос о категории “уголовный проступок” [6, с. 68]. Вместе с тем способ его введения в российскую правовую систему пока не определён. Будет ли это дополнение к УК РФ в виде альтернативы преступлению, либо, напротив, его следует поместить в КоАП РФ в качестве наиболее опасного вида правонарушений, а может, это будет симбиоз “отрезанных” частей уголовного и административного законодательства, объединённых в отдельный закон [4, с. 7]. Никто внятного ответа на эти вопросы пока дать не может.

На наш взгляд, закрепление в отечественном законодательстве категории “уголовный проступок” не должно свестись лишь к усложнению терминологического аппарата уголовного закона. Направленность уголовно-правовой реформы в этой части заключается в том, чтобы лица, совершившие незначительные по своей общественной опасности деяния, не были бы социально стигматизированы судимостью. А государство не тратило бы финансовые, организационные и иные ресурсы для привлечения подобных лиц к ответственности с соблюдением трудоёмкой уголовно-процессуальной формы.

К числу уголовных проступков необходимо отнести совершаемые в сфере предпринимательской деятельности

преступления небольшой тяжести, а также “предпринимательские” преступления с административной преюдицией. Переводить в разряд уголовных проступков деяния в сфере предпринимательской деятельности, уже описанные в КоАП РФ (в том числе и те, за совершение которых предусмотрены наказания в виде ареста или штрафов в крупном размере), вряд ли целесообразно, т. к. этот шаг может привести к повторению имеющейся сегодня ситуации излишней криминализации и дублирования уголовно-правовых запретов. Безусловно, к уголовным проступкам не могут быть отнесены деяния, в качестве способа совершения которых выступает насилие и которые затрагивают общественные отношения, касающиеся охраны жизни человека.

Как уже было отмечено, привлечение к ответственности за совершение уголовного проступка не должно сопровождаться для осуждённого таким негативным последствием, как судимость. Кроме того, санкции за совершение уголовных проступков не должны предусматривать лишения свободы. Исключение составляют злостное уклонение от исполнения назначенного наказания, не связанного с лишением свободы, а также случаи рецидива (в широком смысле).

Значимую роль использование системного подхода в построении норм уголовного закона играет при конструировании квалифицированных и особо квалифицированных составов преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Вместе с тем на сегодняшний день законодатель явно непоследователен при криминализации квалифицирующих и особо

квалифицирующих признаков преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Так, в частности, непоследовательность можно обнаружить при анализе подходов к криминализации рассматриваемых деяний, совершённых в соучастии.

В ряде статей гл. 22 УК РФ говорится лишь об одной возможной форме совместного совершения преступлений – совершении их организованной группой (п. «а» ч. 2 ст. 171, п. «а» ч. 2 ст. 171.3, п. «а» ч. 2 ст. 172, п. «в» ч. 2 ст. 179, ч. 2 ст. 181, ч. 2 ст. 184, ч. 2 ст. 185.3, ч. 3 ст. 186, ч. 2 ст. 187 УК РФ), а другие, напротив, могут быть совершены лишь группой лиц по предварительному сговору (п. «б» ч. 2 ст. 173.1, п. «а» ч. 2 ст. 199, ч. 2 ст. 200.3, п. «а» ч. 2 ст. 200.4, п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 5 ст. 200.5 УК РФ). В одном составе законодателем упомянута лишь такая форма соучастия, как группа лиц (п. «б» ч. 2 ст. 200.1 УК РФ).

Производство, приобретение, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции без маркировки и (или) нанесения информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации (ст. 171.1 УК РФ), могут быть совершены как группой лиц по предварительному сговору (ч. 1.1, п. «а» ч. 4 и п. «а» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ), так и организованной группой (п. «а» ч. 2, п. «а» ч. 4 и п. «а» ч. 6 ст. 171.1 УК РФ). Аналогичного подхода законодатель придерживается и в нормах статей, предусматривающих уголовную ответственность за: незаконные организацию и проведение азартных игр (п. «а» ч. 2 и п. «а» ч. 3 ст. 171.2 УК РФ соответственно); легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённого другими

лицами преступным путём (п. «а» ч. 3 ст. 174 и п. «а» ч. 4 ст. 174 УК РФ соответственно); легализацию (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретённого лицом в результате совершения им преступления (п. «а» ч. 3 ст. 174.1 и п. «а» ч. 4 ст. 174.1 УК РФ соответственно); приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путём (п. «а» ч. 2 ст. 175 и ч. 3 ст. 175 УК РФ соответственно); незаконное использование средств индивидуализации товаров (работ, услуг) (ч. 3 ст. 180 и ч. 4 ст. 180 УК РФ соответственно); злоупотребление при эмиссии ценных бумаг (ч. 2 ст. 185 и ч. 3 ст. 185 УК РФ соответственно); нарушение порядка учёта прав на ценные бумаги (ст. 185.2 УК РФ); воспрепятствование осуществлению или незаконное ограничение прав владельцев ценных бумаг (ч. 2 ст. 185.4 УК РФ); незаконные экспорт из Российской Федерации или передача сырья, материалов, оборудования, технологий, научно-технической информации, незаконное выполнение работ (оказание услуг), которые могут быть использованы при создании оружия массового поражения, вооружения и военной техники (ч. 2 ст. 189 и ч. 3 ст. 189 УК РФ соответственно); незаконный оборот драгоценных металлов, природных драгоценных камней или жемчуга (ч. 2 ст. 191 УК РФ); приобретение, хранение, перевозка, переработка в целях сбыта или сбыт заведомо незаконно заготовленной древесины (ч. 2 ст. 191.1 и ч. 3 ст. 191.1 УК РФ соответственно); уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации (ч. 1.1 ст. 193 и п. «б» ч. 2 ст. 193

УК РФ соответственно); совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов (п. «б» ч. 2 ст. 193.1 и п. «б» ч. 3 ст. 193.1 УК РФ соответственно); уклонение от уплаты таможенных платежей, взимаемых с организации или физического лица (п. «а» ч. 2 ст. 194 и ч. 4 ст. 194 УК РФ соответственно); контрабанда алкогольной продукции и (или) табачных изделий (п. «а» ч. 2 ст. 200.2 и ч. 3 ст. 200.2 УК РФ соответственно) [11].

Групповой способ совершения преступления существенно повышает общественную опасность деяния, что должно быть во всех случаях учтено законодателем. В этой связи как верное решение следует оценить то, что федеральным законом от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [11] ст. 171.1 и ст. 193 УК РФ были дополнены ч. 1.1, предусматривающей повышенную уголовную ответственность за эти деяния, совершённые группой лиц по предварительному сговору. Вместе с тем аналогичный пробел до сих пор имеет место в ст. 172, ст. 178, ст. 179, ст. 186, ст. 187 УК РФ, а также в целом ряде иных статей гл. 22 УК РФ [2, с. 59].

При этом в значительном количестве статей гл. 22 УК РФ законодатель не счёл необходимым криминализовать в качестве квалифицирующих или особо квалифицирующих признаков какие-либо формы совместной преступной деятельности. Если в одних случаях подобное законодательное решение является вполне оправданным,

то в других – его обоснованность выглядит не так однозначно.

В целом наиболее рациональным способом преодоления накопившихся системных противоречий и ошибок в тексте уголовного закона является разработка и принятие нового кодифицированного законодательного акта.

Отдельное внимание при описании в новом кодифицированном уголовном законе преступлений в сфере предпринимательской деятельности следует уделить понятийному аппарату. К сожалению, качество нормативного материала гл. 22 УК РФ не находится на должно уровне, а включённые в неё статьи изобилуют оценочными категориями, неточными терминами и неоднозначными формулировками. Так, например, в ст. 172.2 УК РФ содержится такая, безусловно, требующая отдельного пояснения, которое законодателем так и не сделано, формулировка, как «объём, сопоставимый с объёмом привлечённых денежных средств и (или) иного имущества». В отсутствие соответствующих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации критерии подобной «сопоставимости» остаются в каждом конкретном случае на усмотрении правоприменителя [1, с. 28].

Аналогичным образом на оценочный характер использованного в ст. 177 УК РФ термина «злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности» указано в Методических рекомендациях по выявлению и расследованию этого преступления [7].

На повестке дня стоит и вопрос о целесообразности криминализации новых деяний в сфере предпринимательской деятельности. В последние

годы происходит перманентное усложнение общественных отношений, вызванное появлением и внедрением в повседневную жизнь людей новых информационных технологий. Появляются новые предметы преступных посягательств и существенным образом модифицируются способы совершения преступлений. Так, несомненного внимания со стороны законодателя заслуживают уголовно-правовые аспекты оборота цифровых (электронных) валют и использования технологии блокчейна. Следует определить то, какие именно из совершаемых в этой сфере деяний представляют общественную опасность и должны влечь за собой наступление уголовной ответственности. И обладают ли используемые виновными способы совершения подобных деяний принципиально новой спецификой, в силу наличия которой они должны быть описаны в самостоятельных статьях уголовного закона.

Ранее разработанный Минфином России проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» признан Правительством РФ требующим доработки с учётом результатов мониторинга обращения денежных суррогатов (в том числе криптовалют), а также проведения с учётом зарубежного опыта дополнительного анализа рисков их возможного использования в противоправных (преступных) целях [9].

Следует признать, что «отрасль блокчейн-индустрии находится на начальной стадии своего развития, в настоящее время является саморегулируемой, находясь вне правового поля

многих государств. Законодательное регулирование криптовалют и блокчейн-технологий в целом начинает только складываться, большая часть регуляторов ещё не понимает, каким образом можно создать работоспособную нормативно-правовую базу с учётом уникальных особенностей криптовалют» [8, с. 48].

Не теряет своей актуальности вопрос о необходимости и обоснованности введения уголовной ответственности юридических лиц. Одним из негативных следствий отсутствия в нашей стране института уголовной ответственности юридических лиц является невозможность «экстерриториального уголовного преследования иностранных юридических лиц» [3]. Дополнение уголовного закона нормами об уголовной ответственности юридических лиц позволит привлекать к уголовной ответственности не только отечественные, но и иностранные фирмы и международные организации. Вопрос целесообразности дополнения отечественного законодательства нормами об уголовной ответственности юридических лиц не закрыт и требует дальнейшего глубокого анализа, в частности, с рассмотрением его международно-правовых и криминологических аспектов, а также неизбежно возникающих проблем юридической техники [2; 4; 6].

Таким образом, представляется возможным сформулировать следующие концептуальные идеи.

В ходе законодательного решения вопросов отграничения легальной хозяйственной деятельности, осуществляемой в соответствии с гражданским законодательством, от деятельности, подпадающей под действие

уголовного закона, основное внимание должно быть сосредоточено на совершенствовании механизмов гражданско-правовой ответственности, а не на дальнейшей криминализации деяний, не представляющих общественной опасности.

Преступления небольшой тяжести, свершаемые в сфере предпри-

нимательской деятельности, а также “предпринимательские” преступления с административной преюдицией необходимо отнести к числу уголовных проступков. Конструкция административной преюдиции в уголовном праве не оправдала себя, о чём наглядно свидетельствует накопившаяся правоприменительная практика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аснис А.Я. Некоторые проблемы уголовной ответственности за организацию финансовых пирамид // *Адвокат*. 2016. № 11. С. 21–29.
2. Жуковская И.В., Ларичев В.Д. Справедливость правового регулирования экономических отношений // *Безопасность бизнеса*. 2017. № 3. С. 58–63.
3. Козлова Н. Приступить к ликвидации. В Госдуму внесен закон об уголовной ответственности юридических лиц // *Российская газета*. 2015. 24 марта.
4. Колоколов Н.А. Уголовная политика: в поисках “дорожной карты” // *Уголовное судопроизводство*. 2017. № 2. С. 3–12.
5. Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности: о руинах уголовного закона // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 2. С. 27–35.
6. Максимов С.В. Двадцатилетие новейшей уголовно-правовой политики России: предварительные итоги и перспективы // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2016. № 4. С. 58–68.
7. Методические рекомендации по выявлению и расследованию преступлений, предусмотренных статьей 177 Уголовного кодекса Российской Федерации (злостное уклонение от погашения кредиторской задолженности) (утв. ФССП России 21.08.2013 № 04-12) [Электронный ресурс] // *КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]*. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154953 (дата обращения: 30.11.2018).
8. Недорезков В.В. Криптовалюты на базе технологии блокчейна: проблемы правового регулирования // *Банковское право*. 2017. № 4. С. 45–49.
9. Письмо ФНС России от 03.10.2016 № ОА-18-17/1027 «О контроле за обращением криптовалют (виртуальных валют)» [Электронный ресурс] // *КонсультантПлюс: справочная правовая система: [сайт]*. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST001&n=162766#039103298674502307> (дата обращения: 30.11.2018).
10. Сидоренко Э.Л. Административная преюдиция в уголовном праве: проблемы правоприменения // *Журнал российского права*. 2016. № 6. С. 125–133.
11. Федеральный закон Российской Федерации от 03.07.2016 № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 2016. № 27 (ч. II). Ст. 4258.

REFERENCES

1. Asnis A.Ya. [Some problems of criminal responsibility for the organization of financial pyramids]. In: *Advokat* [Lawyer], 2016, no. 11, pp. 21–29.

2. Zhukovskaya I.V., Larichev V.D. [Fairness of legal regulation of economic relations]. In: *Bezopasnost' biznesa* [Business Security], 2017, no. 3, pp. 58–63.
3. Kozlova N. [Proceed to liquidation. A Law on Criminal Liability of Legal Entities in the State Duma]. In: *Rossiiskaya gazeta* 24 March, 2015.
4. Kolokolov N.A. [Criminal Policy: In Search of Roadmap]. In: *Ugolovnoe sudoproizvodstvo* [Criminal Proceedings], 2017, no. 2, pp. 3–12.
5. Lopashenko N.A. [Crimes in the Sphere of Economic Activities: on the Ruins of Penal Law]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2018, no. 2, pp. 27–35.
6. Maksimov S.V. [The Twentieth Anniversary of the Latest Criminal-Legal Policy of Russia: Preliminary Results and Prospects]. In: *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [The Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice], 2016, no. 4, pp. 58–68.
7. [Methodical Recommendations on Detection and Investigation of Crimes Under Article 177 of the Criminal Code of the Russian Federation (Malicious Evasion from Repayment of Accounts Payable) (App. Federal Bailiff Service of Russia 21.08.2013 no. 04-12)]. In: *Konsul'tantPlyus: Spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_154953/ (accessed: 30.11.2018).
8. Nedorezkov V.V. [Cryptocurrency Technology of the Blockchain: Problems of Legal Regulation]. In: *Bankovskoe pravo* [Banking Law], 2017, no. 4, pp. 45–49.
9. [Letter of the Federal Customs Service of Russia dated 03.10.2016 no. OA-18-17/1027 “On the Control Treatment of Cryptocurrencies (Virtual Currencies)”]. In: *Konsul'tantPlyus: Spravochnaya pravovaya sistema* [ConsultantPlus: Reference Legal System]. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=QUEST001&n=162766#039103298674502307> (30.11.2018).
10. Sidorenko E.L. [Administrative Prejudice in Criminal Law: The Problem of Enforcement]. In: *Zhurnal rossiiskogo prava* [Russian Law Journal], 2016, no. 6, pp. 125–133.
11. [Federal Law of the Russian Federation 03.07.2016 No. 325-FZ “On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedural Code of the Russian Federation”]. In: *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation]. 04.07.2016, no. 27 (p. II). Art. 4258.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жабский Валерий Александрович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя;
e-mail: vzhabskii@mail.ru

Жилкин Максим Геннадьевич – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя;
e-mail: zmax71@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Valery A. Zhabsky – Doctor of Law, associate professor, professor at the Department of Criminal Law at Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot
e-mail: vzhabskii@mail.ru

Maxim G. Zhilkin – PhD in Law, associate professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology at Moscow Regional Branch of Moscow University of the Ministry of the Interior of Russia named after V.Y. Kikot;
e-mail: zmax71@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Жабский В.А., Жилкин М.Г. Отдельные проблемы криминализации общественно-опасных деяний в сфере предпринимательской деятельности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 4. С. 134–143.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-134-143

FOR CITATION

Zhabsky V.A., Zhilkin M.G. Some Problems of Criminalization of Socially Dangerous Acts in Business. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: Jurisprudence*, 2018, no. 4, pp. 134–143.

DOI: 10.18384/2310-6794-2018-4-134-143